

Научная статья

УДК 81'373

DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-72-88

**Глаголы движения  
в метафорическом эмотивном значении:  
разновекторная оценка события  
участниками ситуации**

**Татьяна Александровна Трипольская**

Новосибирский государственный педагогический университет  
Новосибирск, Россия

tatianatripolskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0820-0325>

*Аннотация*

Анализируется образное представление чувства любви, привязанности, обожания метафорическими значениями, которые развиваются у русских глаголов движения и отображают все этапы в становлении и прерывании любовных отношений: от ухаживаний (*ходить, бегать за кем-л., крутить/ся, кружить/ся, вертеться, преследовать* и пр.) до развода / разрыва отношений (*разбежаться, разойтись, уйти, сбежать, увести жену / мужа* и др.).

Глаголы движения в метафорических эмотивных значениях – это в существенной мере специфический способ языкового представления эмоционального состояния и эмоционального отношения любви для русской картины мира.

В настоящем исследовании рассматриваются два сценария, отображенных метафорически: 1) добиваться внимания, ответного чувства от объекта своей страсти / любви, постоянно находясь рядом, преследуя, не давая проходу этому самому объекту и демонстрируя таким образом свои чувства, и 2) завершать любовные / matrimониальные отношения.

© Трипольская Т. А., 2025

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 72–88

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2025, no. 2, pp. 72–88

Сложность и вариативность аксиологического содержания этих лексических единиц обусловлена многовекторностью эмоционально-оценочной интерпретации ситуации.

Оценки разных интерпретаторов в существенной мере зависят от стереотипных представлений социума о том, кто за кем, когда и каким образом должен / может ухаживать, т. е. проявлять чувство любви / страсти к объекту своего обожания.

*Ключевые слова*

прагматический потенциал эмотивной метафоры, оценки и стереотипы, вариативность эмоционально-оценочной семантики, разновекторная оценка события участниками ситуации

*Для цитирования*

Трипольская Т. А. Глаголы движения в метафорическом эмотивном значении: разновекторная оценка события участниками ситуации // Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 72–88. DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-72-88

## **Verbs of Motion in the Metaphorical Emotive Meaning: Multidirectional Evaluation of the Event by the Participants of the Situation**

**Tatiana A. Tripolskaya**

Novosibirsk State Pedagogical University

Novosibirsk, Russian Federation

tatianatripolskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0820-0325>

*Abstract*

The article analyses the figurative representation of the feelings of love, affection, adoration by metaphorical meanings developing in Russian verbs of motion and reflecting all the stages in the formation and break of love relationships: from courtship (*ходить, бегать за кем-л., крутить/ся, кружиться/ся, вертеться, преследовать* etc.) to divorce/break up relationships (*разбежаться, разойтись, уйти, сбежать, увести жену / мужа* etc.).

Verbs of motion in metaphorical emotive meanings are to a significant extent a specific way of linguistic representation of the emotional state and emotional attitude of love for the Russian picture of the world.

In the present study, two scenarios are considered in metaphorical terms: 1) to seek attention, reciprocal feelings from the object of one's passion/love by constantly being near, pursuing, not giving passage to this very object and thus demonstrating one's feelings and 2) to complete a love/matrimonial relationship.

The complexity and variability of the axiological content of these lexical units is due to the multidirectionality of emotional and evaluative interpretation of the situation. The assessment of different interpreters to a significant extent depends on the stereotypical ideas of society about who should/can care for whom, when and in what way, i.e. show feelings of love/passion for the object of their adoration.

*Keywords*

pragmatic potential of the emotive metaphor, evaluations and stereotypes, variability of emotional-evaluative semantics, multidirectional evaluation of the event by the participants of the situation

*For citation*

Tripolskaya T. A. Verbs of Motion in the Metaphorical Emotive Meaning: Multidirectional Evaluation of the Event by the Participants of the Situation. *Kritika i Semiotika* [*Critique and Semiotics*], 2025, no. 2, pp. 72–88. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-72-88

Настоящая статья продолжает исследование прагматического потенциала метафорических эмотивных значений в русском языке (в сопоставлении с английским и французским языками) [Булыгина и др., 2023]. В ней анализируется образное представление о любовных и matrimониальных отношениях, вербализуемое с помощью метафорических значений, которые развиваются у русских глаголов движения:

БЕГАТЬ. За кем. Неотступно следовать. || прост. Ухаживать. [Пастухов] *видел себя не тем мальчишкой, каким недавно бежал за гимназистками* (Федин, Первые радости); *Он лежал и думал о своем городе, где познакомился с Клавой, как он гулял с ней два месяца (у них в городе называли «ходить»)*, как поженились. К. Ваншенк.; КРУТИТЬ. С кем. Иметь любовные отношения (часто со словами «любовь», «роман») (прост.); СОЙТИСЬ. 4. С кем. Вступить в сожительство; УВЕСТИ. 4. *разг.* Сманить чью-л. жену (или мужа), возлюбленную (возлюбленного), отбив у кого-л. (БАС-1; БАС-3)<sup>1</sup>.

Более 40 глаголов движения, по данным словарей, развивают метафорические значения, которые интерпретируют практически все стадии любовных и matrimониальных отношений: от привлечения внимания / завоевания предмета своей страсти (*ухаживать за женщиной, бегать*

<sup>1</sup> БАС-1 – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1949–1965; БАС-3 – Горбачевич К. С. (ред.). Большой академический словарь русского языка. М.: Наука, 2004–...

за девочками), начала любовных отношений (*гулять, встречаться, ходить с кем-либо; ходить к кому-либо*), создания брачных союзов (*сойтись, сбежаться, идти / ходить замуж*) до разрыва / окончания любовных / брачных отношений (*разбежаться, разойтись, увести чужую жену / мужа и пр.*).

Данная модель метафоризации является вполне продуктивной, эмотивно-поведенческое значение приобретают глаголы движения, не зафиксированные словарем:

*А еще в 8 «б» училась девушка, которую я любил, как теленок. То есть вздыхал и **переваливался на косолапых ногах поблизости**. Переваливаться поблизости, будучи тупнем, это не то же самое, что переваливаться поблизости, будучи гением (П. Селуков)<sup>2</sup>.*

Глаголы движения обладают мощным потенциалом в процессе метафорообразования, который реализуется в интерпретации ментальных ситуаций (*пришла, ушла, улетела, крутится, ускользает мысль*), перцептивных (*запахи идут, ползут, плывут, парят, расстилаются; звуки льются, приближаются, удаляются*) и эмотивных ситуаций (*любовь пришла, ушла, настигла, отношения тянулись*).

В настоящем исследовании рассматриваются два подсценария, отображенных метафорически: 1) **добиваться внимания, ответного чувства** от объекта своей страсти / любви, постоянно находясь рядом, преследуя, не давая проходу этому самому объекту и демонстрируя таким образом свои чувства: *ходить хвостом, бегать, гоняться за кем-либо, преследовать, волочиться за кем-либо, крутиться, вертеться, кружиться вокруг кого-либо* и др.; 2) **завершать любовные / matrimoniaльные отношения**: *разойтись, разбежаться, сбежать, увести мужа / жену у кого-либо, умыкнуть чужую жену* и др.

Напомним, что, исследуя глагол *любить*, Ю. С. Степанов приходит к выводу, что по происхождению и форме он является **каузативным**, означающим «вызывать в ком-то или в чем-то соответствующее действие, заставлять кого-то или что-то делать это». По своей форме — *любити* из \*l̥jub-Ī-ti из индоевропейского \*leubh-éi(e)-ti- — он в точности параллелен древнеиндийскому lobháyatī «возбуждать желание, заставлять любить, влюблять» (др.-инд. глаголы приводятся в форме 3-го л. ед. ч. наст. вр.) [Степанов, 1997, с. 418].

<sup>2</sup> НКРЯ — <https://ruscorpora.ru/>.

Результаты сопоставительного исследования [Булыгина и др., 2023] позволяют сделать вывод о лингвоспецифической семантике русских глаголов движения в эмотивном значении. Ср.: В. О. Ключевский: «Хождение жениха за невестой, заменившее умычку, в свою очередь, сменилось приводом невесты к жениху с получением вена или с выдачей приданого, почему законная жена в языческой Руси называлась водимою. От этих двух форм брака, хождения жениха и привода невесты, идут, по-видимому, выражения *братъ замуж* и *выдавать замуж*: язык запомнил много старины, свеянной временем с людской памятью. Умычка, вено в смысле откупа за умычку, вено как продажа невесты, хождение за невестой, привод невесты с уплатой вена и потом с выдачей приданого – все эти сменявшие одна другую формы брака были последовательными моментами разрушения родовых связей, подготовлявшими взаимное сближение родов»<sup>3</sup>.

Эта традиция организации матримониальных отношений с неизбежностью отразилась в русском метафорическом коде: *выходить / ходить / сходить замуж и вернуться, разойтись, сойтись, сбежать от жены, увести чужого мужа, сбежаться, разбежаться, ходить / бегать / волочиться за кем-либо* и др. Во французском языке, например, глаголы движения в интерпретации любовных и матримониальных отношений используются в значительно меньшей степени, ср.: *courtiser une femme* – 1) ухаживать за женщиной, добиваться; 2) обхаживать, угождать, льстить. SIN.: *flirter* – флиртовать, заигрывать; *faire la cour à qn* – ухаживать за женщиной; *faire la femme* – подцепить женщину (арго); *chercher à plaire* – стараться понравиться (Ганшина); *prendre la femme de quelqu'un* и *enlever la femme de quelqu'un* – забрать, похитить чью-то жену<sup>4</sup>.

### 1. Сценарий ухаживаний

Анализируемые метафоры являются сложными, включающими семантику эмоционального состояния, эмоционального отношения и поведения. Производные метафорические значения глаголов движения характеризуют поведение влюбленного / влюбленных, в котором проявляется, т. е. стано-

<sup>3</sup> См.: Ключевский В. О. Курс русской истории. Глава 8. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch08.htm> (дата обращения 10.03.2025).

<sup>4</sup> Французско-русский словарь активного типа / Под ред. В. Г. Гака, Ж. Триомфа. 2-е изд. М.: Русский язык, 1998; Французско-русский словарь / Сост. К. А. Ганшина. 6-е изд., испр. и доп. М., 1971.

вится видимым переживаемое субъектом чувство и отношение, а также его стремление (прилагаемые усилия) добиться взаимности.

Напомним, что в исследовании эмоциональных и физиологических состояний выделяются внутренние состояния, о которых знает сам субъект или всеведущий автор, и их наблюдаемые, интерпретируемые проявления (симптомы). О видимых проявлениях эмоциональных состояний писала Н. Д. Арутюнова: психологическое состояние (т. е. чувства) и «симптомы» этого состояния очень тесно связаны не только с физиологической точки зрения, но и в языке. При этом понять их можно не всегда правильно: *побелеть от страха, ужаса, волнения; покраснеть от злости, стыда, смеха* [Арутюнова, 1976]. Интерес к исследованию эмоциональных состояний заключается также во влиянии внутреннего состояния на проявление невербальных знаков субъектом в отношении объекта эмоционального состояния [Рубинштейн, 1984].

Рассмотрим семный состав эмотивного метафорического значения. В этих глагольных метафорах актуализируется, во-первых, сема «испытывать чувство любви, привязанности, симпатии // относиться с любовью / симпатией к кому-либо», во-вторых, сема «стремление внушить ответное чувство предмету своей страсти», «заставить обратить на себя внимание», «завоевать ответную любовь, находясь рядом с объектом своей привязанности», в-третьих, публичное проявление своих чувств и намерений, в-четвертых, сема «навязчивое, излишне настойчивое поведение», в-пятых, часто бессловесное проявление чувств: *С тех пор он зачастил на Слуду, как верующий в церковь, немой и неотвязной тенью стал ходить за Анкой*.

Ср., к примеру, во французском языке частичные эквиваленты предполагают значение «соблазнять (в том числе и словами), ухаживать, льстить, добиваясь своей цели»: *courtiser une femme* – 1) ухаживать за женщиной, добиваясь ее внимания; 2) обхаживать, угождать, льстить; *flirter* – флиртовать, заигрывать; *bargainer (familier)* – торговаться, *conter fleurette* – флиртовать, *draguer (familier)* – приставать к женщине, кадрировать (Гак – Триомф), *faire du gringue à qn (familier)* – молоть, уболтать (Гак – Триомф)<sup>5</sup>.

Место эмотивных метафор от глаголов движения в семантическом поле эмоций, конечно, периферийное, однако значимость их в реальной комму-

<sup>5</sup> Французско-русский словарь активного типа / Под ред. В. Г. Гака, Ж. Триомфа. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1998.

никации весьма высока: дополнительных значений, представленных выше, нет у других языковых средств семантического поля эмоций: периферийные единицы семантического поля обычно усложняют семантику ядерных единиц за счет аксиологических, ассоциативных смыслов по сравнению с центром поля эмоций. Выявленная семная структура метафорического значения включает потенциальную оценочную и эмотивно-оценочную семантику, актуализация и конкретизация которой определяется различными коммуникативными факторами, что ставит трудную задачу для лексикографирования подобных единиц в словарях активного типа [Булыгина, Трипольская, 2016]. Поэтому оценочная составляющая метафорических эмотивных значений представляет особый интерес для семантико-прагматических и лексикографических исследований. В словарях эти лексико-семантические варианты интерпретируются как стилистически маркированные (кроме *ухаживать* за кем): разговорные, просторечные, разговорно-просторечные. Эмоционально-оценочные же пометы, даже подтвержденные иллюстративным материалом, зачастую отсутствуют, однако анализ материалов НКРЯ позволяет выявить оценочные / эмотивно-оценочные смыслы у многих глагольных метафор. Оценочно-нейтральным представляется только глагол *ухаживать за кем-либо*, который, по нашим наблюдениям, теряет актуальность в современной речи и практически не встречается в речи молодых людей.

Представленная внеязыковая ситуация включает нескольких участников (субъект, осуществляющий ухаживание, объект ухаживаний и наблюдатель / наблюдатели), которые предстают в своей интерпретационной (эмоционально-оценочной) деятельности, – отсюда возникает конфликт разновекторных аксиологических интерпретаций.

Вариативность аксиологического содержания – не новая проблема семасиологии и лексикографии, однако она по-прежнему актуальна для современных коммуникативно-прагматических исследований. Так, М. И. Черемисина [1979] отмечала, что оценочная семантика варьируется в зависимости от того, КТО, КОГО, в КАКОЙ ситуации оценивает; КТО при этом присутствует, сообщает ли говорящий свою оценку или передает чужую и др. Именно эти параметры в оценочном высказывании определяют содержание эмотивно-оценочного слова.

В описании ситуации ухаживаний реализуются разные типы оценочных высказываний: самооценка (субъект состояния / отношения / поведения оценивает себя), оценка объекта ухаживаний и оценка третьего лица. Семантика самооценки зависит от следующих составляющих: достигну-

тый результат подобного типа ухаживаний / отсутствие желаемого результата; присутствие оценки со стороны (объект ухаживаний и наблюдатели-оценщики, представляющие сложившиеся в социуме поведенческие нормы и стереотипы).

Термин «стереотип», по определению С. М. Толстой [1994], относится исключительно к содержательной стороне языка и культуры, т. е. представляет собой ментальный стереотип, и связан прежде всего с наивной картиной мира. Он репрезентируется в самом лексическом значении слова.

Имеется свое отношение к ситуации и у объекта ухаживаний, который нужно завоевать, которому нужно внушить ответные чувства: оно зависит от того, КТО *бежит за девушкой* (первый парень или надоедливый увалень; нравится он девушке или не очень...), с какой целью (серьезные / несерьезные намерения у субъекта, стремящегося завоевать внимание / приязнь девушки). Отметим и способ подобных ухаживаний: назойливость, надоедливость ухажера существенно меняет знак оценки. Ср.: *красиво ухаживать*, но невозможно *\*красиво волочиться / бегать / крутиться / преследовать*. Все это повышает / понижает самооценку объекта ухаживаний: льстит внимание, раздражает преследование, надоел ухажер и пр. Не последнюю роль играет и реакция окружающих.

Таким образом, в исследовательское поле попадают все участники ситуации в их интерпретационной аксиологической деятельности: столкновение их ценностных позиций и эмоциональных реакций формирует сложное, многокомпонентное эмоционально-оценочное содержание языковой единицы.

Наблюдаемое и оцениваемое событие включает два типа наблюдателей: доброжелательный наблюдатель и наблюдатель-критик, реализующий все стереотипные представления о том, как нужно ухаживать за женщиной и можно ли проявлять / демонстрировать свои чувства и намерения. Не последнюю роль играет и личная заинтересованность наблюдателя.

Проиллюстрируем актуализацию оценочного содержания эмотивных глагольных метафор:

*Вчера получил я, мой друг, два от тебя письма, спасибо, но я хочу немножко тебя пожурить. Ты, кажется, не путем искокетничалась. Смотри: недаром кокетство не в моде и почитается признаком дурного тона. В нем толку мало. Ты радуешься, что за тобою как за сучкой бегают кобели... Есть чему радоваться! Не только тебе, но и Прасковье Петровне легко за собою приучить бегать холостых шаромыжников; стоит разгласить, что я-де большая охотница. Вот вся тайна кокетства. Было бы*

*корыто, а свиньи будут...* (Отрывки из писем Александра Пушкина к жене.  
URL: <https://stihi.ru/2021/01/28/2924>).

В высказывании реализуется оценка-предостережение заинтересованного наблюдателя: подобное ухаживание – пустое и вредное занятие, а те, кто «бегает за женщинами», – *шаромыжники* «Прост. Тот, кто любит пожить на чужой счет; ловкач, жулик || Употребляется как бранное слово» (МАС)<sup>6</sup>. Здесь, скорее, оценочное значение «светский бездельник, волокита».

*Будучи старшеклассником, он увидел Светлану в ее первом фильме и заочно влюбился. А когда поступил во ВГИК, упорно ходил за ней хвостом. Светлана и сама не поняла, как спустя время влюбилась в него и у них все «завертелось»* (Светлана Дружинина. URL: <https://vk.com/@-225620373-svetlana-druzhinina>).

Ситуацию «хождения / ухаживания» оценивает доброжелательный рассказчик: отмечается серьезность чувства, упорство, взаимность, желаемый результат.

Остановимся на соотношении понятий *оценка* и *стереотип*, которые формируются веками и медленно меняются. Ситуация проявления чувств, когда субъект состояния и поведения **показывает** свои чувства и намерения (выставляет напоказ), рассматривается в парадигме сложившихся норм и неписаных правил.

Существенный элемент оценочного высказывания – основание оценки, выделенный Е. М. Вольф [2006], складывается из следующих стереотипных составляющих: кто, за кем, как, с какой целью, каким образом может / должен / не может / не должен *ухаживать, бегать, преследовать, волочиться* за предметом своих притязаний.

Во-первых, это возраст, когда бегают за девочками в полном счастье, волочатся от скуки за женщинами // когда явно не по возрасту подобные затеи – «дело-то молодое»; во-вторых, гендерный фактор: инициатива долгое время принадлежала мужчинам, однако есть множество случаев, когда преследующая, бегающая за молодым человеком как раз девушка / девочка, и ее поведение подвергается осуждению; в-третьих, насколько принято / не принято демонстрировать свои чувства / стремления / ухаживания публично; в-четвертых, бегать за кем-либо – проявлять слабость, унижать-

---

<sup>6</sup> МАС – А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1985–1988.

ся; в-пятых, является ли свободным / несвободным объект ухаживания (женат, замужем, свободен) и др. Рассмотрим основания оценки подробнее.

- **Возраст участников романтической ситуации**

– Ну да, – согласился Игорь Васильевич, – *Молодому бы в самый раз за девками бегать, а даже он как-то не успевает* (А. Сальников. Отдел // «Волга», 2015); *Она меня снова нашла. Начались весёлые догонялки... Вот годиков тридцать назад могли бегать друг за другом, всех умиляя. И лет двадцать пять назад тоже б могли, но уже с лёгким эротическим подтекстом. А так только народ смешили* (А. Пермяков. Темная сторона света // «Волга», 2013); – Послушайте, доктор, мне уже 80 лет, а я все еще *бегаю* за девочками! (Коллекция анекдотов: сексопатологи, 1970–2000).

В зависимости от этого параметра эмотивно-оценочное содержание метафоры варьируется от снисходительно-понимающе-одобрительного до неодобрительно-осудительного. Очевидно, что столь «активное» и демонстративное проявление чувств в нашей картине мира связывается с молодостью и не приветствуется для других возрастных категорий.

- **Пол субъекта эмоционального состояния / отношения / поведения**

– А наавтра с утра *пришел Ленка Усанин. Он начал ходить за Линой, когда она была первокурсницей, а он восьмиклассником. Несколько раз звал ее замуж, дарил меха, умолял, проклинал и даже один раз – пьяный – пытался силой утащить ее в свой дом* (Н. Горланова. Ряженые, 1987–1999); *Бегала за ним, как дура! Поджидала его в подъездах, встречала с лекций, прямо затмение на меня какое-то нашло! – Это на тебя не похоже, – согласился Стась. – Трудно представить, что такая красивая девушка, как ты, способна бегать за кем-то. Скорее наоборот* (Е. Сухов. Делу конец – сроку начало, 2007).

Мужские ухаживания, даже излишне настойчивые, воспринимаются снисходительно, женские же «догонялки» оцениваются значительно строже. В последнем примере представлен еще один поведенческий стереотип, который определяет оценку наблюдателей: бегают за мужчинами не самые привлекательные, за привлекательными будут бегать мужчины.

- **Серьёзность / несерьёзность намерений (волочиться, таскаться, бегать за кем-либо). Ср.:**

*волочиться*. 2. за кем. Разг. устар. Ухаживать (за женщиной) без серьёзных намерений. В красавиц он уж не влюблялся, А *волочился как-нибудь*

(Пушкин, Евгений Онегин). *Мне давно было известно, что Мишель воло-  
чится за вашей дочерью* (Чернышевский, Что делать?); *таскаться*.  
4. за кем. Прост. Ухаживать, волочиться за кем-л. *Таскаться* за женщи-  
нами (МАС)<sup>7</sup>; *Он влюбился и стал все время ходить за мной и смотреть на  
меня* (И. Муравьева. Документальные съемки, 1997–1998).

Эмоционально-оценочные значения толкуются обычно через аксиоло-  
гически нейтральный глагол *ухаживать за кем-либо* (за женщиной, де-  
вушкой). Знак оценки напрямую зависит от намерений «ухажера».

- Вид «ухаживания» (от слишком назойливого до несмелого, почти беспомощного)

*Что-то маниакальное было в том упорстве, с которым он продол-  
жал ходить за мной по пятам, появляясь в самое неподходящее время  
в самых неожиданных местах* (В. Белоусова. По субботам не стреляю,  
2000); *Он бежал за ней и робел перед нею, и помню, отец мой с удивлением  
говорил мне, что не ожидал, что он способен так по-мальчишески робко  
и простодушно влюбляться в женщину* (Н. К. Чуковский. Литературные  
воспоминания, 1959–1965); *...Иржи так и не смирился с отказом, а про-  
должал упорно ходить за нею едва ли не по пятам, и Мария стала иногда  
прогонять его; Вокруг женщины надо виться шмелем, с каждым кругом  
становясь все шмелее и шмелее* (разг. речь).

Оценочное содержание этих высказываний колеблется от неодобри-  
тельно-раздраженного отношения до вполне снисходительного. Отноше-  
ние к виду ухаживаний обычно осложняется и другими факторами: умест-  
ностью проявления чувств, симпатией объекта ухаживаний и др.

- Бегать за кем-либо унижаясь / ухаживать, не теряя гордости

*Не вешалась ему на шею, не бегала за ним, но стала душой их компа-  
нии, ее центром, своей красотой, своим талантом украшала это молодое  
общество, все вдруг увидели взрослую девушку* (А. Рыбаков. Тяжелый песок,  
1975–1977); *Я не бегала за недоношенными мужчинами, потому что меня  
приглашали на свидания офицеры, актеры и писатели* (Н. Щербак. Роман  
с филфаком // «Звезда», 2010); *Я слишком о многом думаю, что это меня  
унизит, и это неправильно, я считаю, если я буду бегать за ней и уделять  
ей внимание, то она не будет меня уважать* (Переписка в icq между agd-  
ardin и Колючий друг, 16.01.2008).

<sup>7</sup> МАС – А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1985–1988.

Это основание оценки одинаково важно для лиц обоего пола: формируемая самооценка в существенной мере зависит от того, каковым тебя видят окружающие и предмет страсти: насколько субъект, стремящийся завоевать ответное чувство, становится нелепым, смешным, теряет самоуважение и уважение наблюдателей и предмета своей страсти.

- **Объект ухаживаний, по неписаным правилам, должен быть свободным**

*Да он женат, чего ты за ним бегаешь?* (Л. Петрушевская. Скамейка-премия, 1983); *Я уж не говорю о множестве девиц, сходявших от него с ума и бегавших за ним* (о поклонницах поэта Вознесенского И. Вирабов. Андрей Вознесенский, 2015); *В счастливо влюбленной женицине появляется нечто такое, что заставляет мужиков ходить за ней шеренгами* (О. Некрасова. Платит последний, 2000).

Если объект притязаний не свободен, это редко служит препятствием для влюбленных, но не одобряется окружающими: оценочная семантика эмотивной единицы складывается из противоположных ценностных векторов.

- **Нарушение супружеской верности**

*Ходить налево, бегать за / по девкам, бегать за женицинами, таскаться к кому-либо / с кем-либо / за кем-либо; Шаркать, болтать бог весть на каком наречии, не почитать старших, да волочиться за чужими жёнами* (А. Пушкин); *Долгие годы ей нравился Сергей, но тот сначала женился на Клаве, потом стал бегать по чужим женам* (Д. Донцова. Доллары царя Гороха, 2004); – *Боже мой, как развратный мальчишка волочусь за чужой женой* (А. П. Чехов. Несчастье).

Отрицательное значение мотивировано сразу несколькими основаниями: несерьезность намерений + разрушение чужих брачных / любовных отношений + недостойное поведение.

- **Слишком много быстро сменяемых объектов обожания (неразборчивость)**

*Бегать напрапую за девчонками, волочиться за светскими дамами; Барин, сказывают, прекрасный... Одно нехорошо: за девушками слишком любит гоняться* (А. Пушкин. Барышня-крестьянка); [Пастухов] *видел себя не тем мальчишкой, каким недавно бегал напрапую за гимназистками* (К. Федин. Первые радости).

Подобная любвеобильность оценивается вполне снисходительно-одобрительно, если укладывается в возрастные рамки (молодые люди) и относится по преимуществу к лицам мужского пола.

• **Положительный/отрицательный результат «ухаживаний»**

*«Да, – отвечаю дочери, – твоя мама была просто ух! Не зря я так долго бегал за ней!..» – «Еще бы! – смеется дочь. – Такая она классная. За ней многие бегали, думаю» (из Сети); А еще в 8 «б» училась девушка, которую я любил, как теленок. То есть вздыхал и переваливался на косолапых ногах поблизости. Переваливаться поблизости, будучи тупнем, это не то же самое, что переваливаться поблизости, будучи гением (П. Селуков).*

В первом примере оценка дана объекту ухаживаний отцом и дочерью: *мама просто ух! такая она классная, за ней многие бегали*. Субъект добился любви достойной девушки (одновременная оценка объекта ухаживаний и самооценка): конечно, *бегал*, и не я один, но результат налицо. Отсутствует оценка такого вида ухаживаний, данная женщиной, хотя косвенным образом выражена и она: вышла замуж за того, кто *бегал* за ней. Отсутствует и «взгляд» со стороны: оценка наблюдателей, которые, конечно, были, теперь просто не актуальна.

Уничжительно-сочувственная самооценка во втором контексте имеет следующие основания: нет результата ухаживаний, полная неудача, есть свидетели этого *переваливания на косолапых ногах*, чья воображаемая или реальная оценка в существенной мере влияет на самооценку субъекта эмоционального состояния / отношения.

Отметим еще один подсценарий, представляющий с помощью глагольной эмотивной метафоры ситуацию, участники которой пытаются скрывать взаимный интерес, настойчиво **избегая** друг друга:

*Хватит бегать друг от дружки и презрительно фыркать при встрече*  
(Г. Башкуев. Маленькая война // «Сибирские огни», 2013).

Таким образом, в семантике глагольной метафоры сосуществуют несколько потенциальных эмотивно-оценочных «модулей»: самооценка субъекта переживаний, намерений и поведения; оценка его со стороны объекта ухаживаний и ценностное суждение наблюдателя, позитивиста или негативиста, заинтересованного или не заинтересованного в развитии ситуации и следовании неписаным правилам. В реальном коммуникативном событии какой-то из этих оценочных модулей актуализируется, нейтрализуя прочие, в другом случае глагольная метафора передает сложный эмотив-

но-оценочный комплекс, в котором происходит взаимодействие разных оценочных значений.

## 2. Разрыв / завершение любовных / матримониальных отношений

Завершение любовных / брачных отношений мыслится в русской языковой картине мира тоже через образ перемещения в пространстве. У данного сценария имеется три основных варианта: 1) прекратить отношения по обоюдному согласию (*разойтись, развестись, разбежаться, развод*), 2) по инициативе одного из партнеров (*уйти от мужа / жены, сбежать от мужа / жены*), 3) при активном участии третьего лица (*увести, умыкнуть чужую жену / мужа*). Ср.:

*Возможно, мы разбежались бы через несколько лет, через год или даже через несколько дней* (Т. Тронина. Русалка для интимных встреч, 2004); *Она не могла уйти от него, ведь она его любила* (В. Гроссман. Все течет, 1955–1963 // «Октябрь», 1989); *Мне еще и поэтому Целуев не нравится. Увести жену друга! Все тайное рано или поздно становится явным* (М. Баконина. Школа двойников, 2000).

Эмотивные глагольные метафоры потенциально являются оценочно заряженными: от нейтральной лексики *разойтись с мужем / женой* – к «облегченному» представлению бытовой ситуации в экспрессивно-образном *разбежаться* (так же, как и *сбежаться* – «быстро, легко, не раздумывая особо»); от нейтрального *уйти от жены / мужа* (констатация факта, который в зависимости от ситуации содержит или не содержит оценочную информацию) – к *сбежать* «панически ожидая погони, скрываясь и страшась». Кроме того, *сбежать от жены / мужа* содержит негативную оценку ситуации со стороны оставшегося униженного партнера и беспристрастного / пристрастного наблюдателя: в их глазах поступок, безусловно, неодобряемый и / или подлый, характеризующий обоих участников ситуации. Ср.:

*Ещё до войны жена сбежала от него с проезжим актёром, пленясь его бархатной курткой и кружевными манжетами* (А. И. Куприн. Гранатовый браслет, 1911); *У вас пьянство, воровство, людей бьют, женщины бегают, мужья к другой жене бегают, детей маленьких бросают на улицу, дети родителей не слушают, родители детей клянут* (Архимандрит Спирidon (Кисляков). Из виденного и пережитого, 1919).

Любовный треугольник, завершающийся разрывом по инициативе третьего лица, также интерпретируется языком через каузативную семантику движения / удаления кого-либо и передает сугубо отрицательную оценку действий разлучника / разлучницы:

*И вообще-то это ужасно, весь тот кошмар, который переживает мужчина, любовник, муж, у которого **увели, отбили жену** и который по целым дням и ночам, почти непрерывно, ежеминутно **корчится от мук самолюбия, страхась ревнивых представлений о том счастье, которое испытывает его соперник** (И. Бунин. В ночном море).*

**Подведем итоги.** Эмотивные глагольные метафоры, характеризующие разные этапы любовных / matrimониальных отношений, обладают широчайшим эмоционально-оценочным потенциалом: от восторженно-позитивно-снисходительной до пренебрежительно-презрительной и резко неодобрительной оценки.

Сложность и вариативность аксиологического содержания обусловлена многовекторностью эмоционально-оценочной интерпретации ситуации. Оценки разных интерпретаторов в существенной мере зависят от стереотипных представлений социума о том, кто за кем, когда и каким образом должен / может ухаживать, т. е. проявлять чувство любви / страсти к объекту своего обожания.

Оценочная семантика эмотивной единицы складывается из противоположных ценностных векторов.

Ведущую роль в формировании аксиологического значения играют следующие характеристики анализируемой ситуации: демонстрация своих намерений и чувств, фигура наблюдателя, возраст, пол, способ ухаживаний, цель и результат. Эмоционально-оценочные интерпретации ситуации ухаживания или разрыва отношений вполне могут расходиться и даже быть противоположными по содержанию, поэтому лексикографическая фиксация глагольной метафоры в словаре активного типа должна содержать информацию об эмотивно-оценочном варьировании как существенном свойстве языковой единицы.

### Список литературы

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 178 с.

Булыгина Е. Ю., Смолина М. Б., Трипольская Т. А. Глаголы движения в метафорическом эмотивном значении: сопоставительный аспект // Через «чужое» к «своему»: диалог русской и венгерской культур: Коллективная монография / Под ред. М. А. Лаппо, В. В. Мароши. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2023. С. 21–54.

Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. База данных прагматически маркированной лексики русского языка: материал, принципы описания, возможности использования // Вестник Новосиб. гос. пед. ун-та. 2016. № 6 (34). С. 70–85.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: УРСС, 2006. 259 с.

Рубинштейн С. Л. Эмоции // Психология эмоций / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 152–161.

Степанов Ю. С. «Свои» и «чужие» // Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Толстая С. М. К понятию функции в языке культуры // Славяноведение. 1994. № 5. С. 91–98.

Черемисина М. И. Экспрессивный фонд и пути его изучения // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. 8. С. 3–11.

## References

Arutyunova N. D. Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy [Sentence and its meaning. Logical and semantic problems]. Moscow, Nauka, 1976, 178 p. (in Russ.)

Bulygina E. Yu., Smolina M. B., Tripolskaya T. A. Glagoly dvizheniya v metaforicheskom emotivnom znachenii: sopostavitel'nyi aspekt [Verbs of motion in metaphorical emotive meaning: comparative aspect]. In: Lappo M. A., Maroshi V. V. (eds.) Cherez “chuzhoe” k “svoemu”: dialog russkoi i vengerskoi kul'tur [Through “foreign” to “one’s own”: dialogue of Russian and Hungarian cultures]. Novosibirsk: NSPU Press, 2023, pp. 21–54. (in Russ.)

Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. Baza dannykh pragmaticheski markirovannoi leksiki russkogo yazy-ka: material, printsipy opisaniya, vozmozhnosti ispol'zovaniya [A Database of pragmatically marked lexical items of the Russian language: the content, principles of description, and possibility of using]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [No-

*vosibirsk State Pedagogical University Bulletin*], 2016, vol. 6, no. 6, pp. 70–85. (in Russ.)

Cheremisina M. I. Ekspressivnyi fond i puti ego izucheniya [Expressive fund and ways of its study]. In: Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya [Actual problems of lexicology and word formation]. Novosibirsk, NSU Press, 1979, iss. 8, pp. 3–11. (in Russ.)

Rubinshtein S. L. Emotsii [Emotions]. In: Vilyunas V. K., Gippenreiter Yu. B. (eds.). Psikhologiya emotsii [Psychology of emotions]. St. Petersburg, Piter, 1984, pp. 152–161/112. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. “Svoi” i “chuzhie” [“Ours” and “others”]. In: Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow, Languages of Russian culture, 1997, 824 p. (in Russ.)

Tolstaya S. M. K ponyatiyu funktsii v yazyke kul'tury [On the concept of function in the language of culture]. *Slavyanovedenie*, 1994, no. 5, pp. 91–98. (in Russ.)

Volf E. M. Funktsional'naya semantika otsenki [Functional semantics of evaluation.] Moscow, URSS Publ., 2006, 259 p. (in Russ.)

### Информация об авторе

Татьяна Александровна Трипольская, доктор филологических наук, профессор

### Information about the Author

Tatiana A. Tripolskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 20.05.2025;*

*одобрена после рецензирования 10.06.2025; принята к публикации 10.06.2025*

*The article was submitted on 20.05.2025;*

*approved after reviewing on 10.06.2025; accepted for publication on 10.06.2025*